

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

МОИ ТОВАРИЩИ – ГЕОЛОГИ...

Эта стихотворная страничка возникла у раннего Евтушенко не случайно. Геологами были не только его “товарищи”, но и отец с матерью. Как пишет биограф поэта Илья Фаликов, **“родители были ровесниками, им было по двадцать два, когда у них появился сын. Они работали как раз в тех местах, где потом произросла Братская ГЭС. Сохранилась фотография, датированная 1932 годом. Зина спрыгивает с коня, Александр придерживает стремя, рядом горит костёр <...> Родители Жени здесь оказались не случайно. Летом 1932 года студентка 4-го курса Московского геологоразведочного института Зинаида Евтушенко, работавшая в экспедиции в бассейне Ангары, приехала к своей матери Марии Иосифовне, проживающей в Нижнеудинске, и родила первенца”**.

А в 1948 году шестнадцатилетний отрок уезжает на работу в геологоразведочную партию, где начальником является уже известный геолог, его отец Александр Гангнус. Воспоминания об этой кочевой жизни в казахской степи стали для Евтушенко основой первых поэтических сборников – “Третий снег”, “Шоссе энтузиастов”, “Обещание”.

* * *

Г. Мазурину

Я на сырой земле лежу
в обнимочку с лопатой.
Во рту травинку я держу,
травинку кислую.
Такой проклятый грунт копать —
лопата поломается,
и очень хочется мне спать,
а спать не полагается.

“Что,
не стоится на ногах?
Взгляните на голубчика!” —
хохочет девка в сапогах
и в маечке голубенькой.
Заводит песню, на беду
певучую-певучую:
“Когда я милого найду,
уж я его помучаю”.
Смеются все:
“Ну и змея!
Ну, Анька,
и сморозила!”
И знаю разве только я
да звёзды и смородина,
как, в лес ночной со мной входя,
в смородинники пряные,
траву
руками
разводя,
идет она, что пьяная.
Как, неумела и слаба,
роняя руки смуглые,
мне говорит она слова
красивые и смутные.

19 декабря 1956

В этих первых “геологических” стихах поэта уже были обозначены главные особенности его таланта — лирическая естественность, цепкое внимание к “подробностям бытия”, способность объять чувствами внешний мир, захватывающая воля к жизни, — словом, всё, что особенно дорого геологам, романтикам, землепроходцам...

* * *

Я у рудничной чайной,
у косога плетня,
молодой и отчаянный,
расседлаю коня.
О железную скобку
сапоги оботру,
закажу себе стопку
и достану махру.
Два степенных казаха
прилагают к устам
с уважением сахар,
будто горный хрусталь.
Брючки географини
все — репей на репье.
Орден “Мать-героиня”
у цыганки в тряпье.
И, невзрачный, потешный,
странноватый на вид,
старикашка подсевший
мне бессвязно твердит,
как в парах самогонных
в синеватом дыму
золотой самородок
являлся ему,

как, раскрыв свою сумку,
после сотой версты
самородком он стукнул
в кабаке о весы,
как шалавых девчонок
за собою водил
и в портянках парчовых
по Иркутску ходил...

Удивительно то, что он сам, как персонажи его стихов тех лет — “золотоискатели”, “авантюристы”, “бессеребреники”, “рисковые люди”, — которые своевольно и радостно “брали” его в свою компанию... Удивительно и то, что в годы юности он хотя и смутно, но прозревал своё будущее:

В старой рудничной чайной
городским хвастуном,
молодой и отчаянный,
я сижу за столом.
Пью на зависть любому,
и блестят сапоги.
Гармонисту слепому
я кричу: “Сыпани!”
Горячо мне и зыбко,
и беда нипочем,
а буфетчица Зинка
всё поводит плечом.
Всё, что было, истратив,
как подстреленный влёт,
плачет старый старатель
оттого, что он врёт.
Может, тоже заплачу
и на стол упаду,
всё, что было, истрачу,
ничего не найду.
Но пока что мне зыбко
и легко на земле,
и буфетчица Зинка
улыбается мне.

Декабрь 1956

* * *

Бывало, спит у ног собака,
костёр занявшийся гудит,
и женщина из полумрака
глазами зыбкими глядит.

Потом под пихтою приляжет
на куртку рыжую мою
и мне,

задумчивая,

скажет:

“А ну-ка, спой!..” —

и я пою.

Лежит, отдавшаяся песням,
и подпевает про себя,

рукой с латышским светлым перстнем
цветок алтайский теребя.
Мы были рядом в том походе.
Все говорили, что она
и рассудительная вроде,
а вот в мальчишку влюблена.

От шуток едких и топорных
я замыкался и молчал,
когда лысеющий топограф
меня лениво поучал:

“Таких встречаешь, брат, не часто...
В тайге всё проще, чем в Москве.
Да ты не думай, что начальство!
Такая ж баба, как и все...”

А я был тихий и серьёзный
и в ночи длинные свои
мечтал о пламенной и грозной,
о замечательной любви.

Но как-то вынес одеяло
и лёг в саду,
а у плетня
она с подругою стояла
и говорила про меня.

К плетню растерянно прикишый,
я услышал в тени ветвей,
что с нецелованным парнишкой
занятно баловаться ей...

Побрёл я берегом туманным,
побрёл один в ночную тьму,
и всё казалось мне обманном,
и я не верил ничему:

ни песням девичьим в долине,
ни воркованию ручья...
Я лёг ничком в густой полыни,
и горько-горько плакал я.

Но как моё,
моё владенье,
в текучих отблесках огня
всходило смутное виденье
и наплывало на меня.

Я видел —
спит у ног собака,
костёр занявшийся гудит,
и женщина
из полумрака
глазами зыбкими глядит.

6 сентября 1955

* * *

Заснул посёлок Джеламбет,
в степи темнеющей затерянный,
и раздаётся лай затейливый,
неясно на какой предмет.
А мне исполнилось четырнадцать.
Передо мной стоит чернильница,
и я строчу,

строчу приподнято...

Перо, которым я пишу,
суровой ниткою примотано
к гранёному карандашу.
Огни далёкие дрожат...
Под закопчёнными овчинами
в обнимку с дюжими дивчинами
чернорабочие лежат.
Застыли тени рябоватые,
и, прислонённые к стене,
лопаты, чуть голубоватые,
устало дремлют в тишине.

И казахский посёлок Джеламбет, и лай собак тёмной азиатской степи, и закопчённые овчины, и лопаты, блестящие от выкопанных шурфов, и чернорабочие, спящие в обнимку "с дюжими дивчинами", — вся эта проза жизни под пером подростка начинает светиться светом поэзии:

О лампу бабочка колотится.
В окно глядит журавль колодезный,
и петухов я слышу пение,
и выбегаю на крыльцо,
и, прыгая,
собака пегая
мне носом тычется в лицо.
И голоса,
и ночи таянье,
и звоны вёдер,
и заря,
и вера сладкая и тайная,
что это всё со мной не зря.

1957

* * *

Георгию Адамовичу

Играла девка на гармошке.
Она была пьяна слегка,
и корка чёрная горбушки
лоснилась вся от чеснока.

И безо всяческой героики,
в избе устроив пир горой,
мои товарищи-геологи,
обнявшись, пели под гармонь.

У ног студентки-практикантки
сидел я около скамьи.

Сквозь её пальцы протекали
с шуршанием волосы мои.
.....

“Чёрная горбушка”, лоснящаяся от чеснока, калоши на ногах играющей на гармошке “студентки-практикантки”, “пир горой” в деревенской “избе” — всё это скудное великолепие жизни изображено молодым поэтом с такой любовью, что он посвящает это стихотворенье русскому эмигранту-эстету Георгию Адамовичу, видимо, попросившему сделать это посвящение.

Играла девка на гармошке,
о жизни пела кочевой,
и шлёпали её галошки,
прихваченные бечевой.

Была в гармошке одинокость,
тоской обугленные дни
и беспредельная далёкость,
плетни, деревья и огни.

Играла девка, пела девка,
и потихоньку до утра
по-бабьи плакала студентка —
её учёная сестра.

1 августа 1957